

Самовлюбленные, бессовестные и неутомимые. Захватывающие путешествия в мир психопатов

Автор:

[Джон Ронсон](#)

Самовлюбленные, бессовестные и неутомимые. Захватывающие путешествия в мир психопатов

Джон Ронсон

Психологический бестселлер (Эксмо)

Уэльский журналист Джон Ронсон берется за расследование мистификации, связавшей ведущих ученых по всему миру, и это решение становится отправной точкой для путешествия в мир безумия.

Пытаясь понять, на чьей стороне истина, журналист реконструирует историю изучения психопатов. Он встречается с саентологами, убежденными в безнравственности психиатров и занимающимися их дискредитацией. Переписывается с участниками и организаторами экспериментальных лечебных программ. Изучает историю взлета и падения основателя судебной психологии. Проходит курс у Боба Хаэра, создавшего опросник для выявления психопатов. И, конечно же, общается с психопатами разного толка: от «симулянта», который застрял в психиатрической клинике на двенадцать лет после того, как притворялся безумным, используя клише из старых фильмов, до легендарного генерального директора, который сотнями увольнял сотрудников крупнейших производств.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Джон Ронсон

Самовлюбленные, бессовестные и неутомимые

Захватывающие путешествия в мир психопатов

Jon Ronson

THE PSYCHOPATH TEST:

A Journey Through the Madness Industry

Copyright © Jon Ronson 2011

© Видревич И., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«В мире присваиваются ярлыки психических расстройств почти каждому проявлению такой сложной системы, как человек. Почему это происходит? Есть ли вообще у всего этого смысл? И каких последствий можно ждать?»

Джон Ронсон

«Я начал читать эту книгу поздно ночью, усталый, подавленный и больной, а затем обнаружил, что смеюсь, как пресловутый псих, страницу за страницей».

Уилл Селф, журналист Guardian

«Интересная, провокационная и бесконечно остроумная!»

Observer

* * *

Посвящается Аните Бхумкар

(1966–2009), которая так любила жизнь

со всеми ее безумствами

1

Недостающая часть головоломки раскрыта

Это история о безумии. И начинается она со странной встречи в центре Лондона на Саутгемптон-роуд в кафе Costa Coffee в Блумсбери.

Неподалеку за углом располагается факультет неврологии Лондонского университета, поэтому в кафе часто заходят невропатологи.

В один прекрасный день женщина по имени Дебора Тальми направилась в Costa Coffee. Подобные ей сотрудники не привыкли беседовать с журналистами, потому что большую часть времени проводят в лабораториях. С ней был невысокий, небритый молодой человек, с виду похожий на работника умственного труда. Вместе они сели за столик.

– Добрый день! Меня зовут Дебора, – поздоровалась она.

– Я – Джон, – представился я.

– А я – Джеймс, – кивнул ее попутчик.

– Ну, что ж, – начал я, – вы принесли его?

Дебора молча кивнула и передала мне пакет. Я открыл его и перевернул в руках.

– Красиво.

* * *

В июле женщина обнаружила в своем почтовом ящике очень странную посылку из Гетеборга (Швеция). На конверте было написано: «Расскажу подробнее, когда вернусь». Но имени отправителя указано не было.

В пакете лежала книга. В ней было 42 страницы, при этом 21 из них – каждая вторая – была пустая. Материалы и исполнение оказались на высшем уровне: бумага, полиграфия, иллюстрации. На обложке две аккуратных, жутковатых руки рисовали друг друга. В изображении Дебора узнала «Рисующие руки» М. К. Эшера.

Автора звали Джо К. (отсылка к Йозефу К. у Кафки или просто анаграмма английского слова «шутка» – joke). Книга называлась «Бытие или ничто» – аллюзия на эссе Сартра «Бытие и ничто» 1943 года. Кто-то аккуратно вырезал ножницами страницу, на которой обычно находятся сведения об издателе и правах, ISBN и прочем, так что не за что было зацепиться.

Записка, приклеенная к обложке, гласила: «Внимание! Прежде чем начать читать, ознакомьтесь с письмом профессору Хофштадтеру. Желаю удачи!»

Дебора пролистала книгу. Все это было очень странно: казалось, кто-то загадал ей головоломку, которую надо было разгадать. Внутри были зашифрованные стихи, страницы с пропущенными словами и т. д. Дебора снова посмотрела на конверт и перечитала надпись: «Расскажу подробнее, когда вернусь». Тогда один из ее коллег уехал в Швецию, и, хотя он был не таким человеком, чтобы отправлять загадочные посылки, Деборе показалось логичным, что это от него.

Но когда тот вернулся, Дебора спросила о странном послании. Как оказалось, он был не в курсе.

Женщину заинтриговала загадка, поэтому она отправилась в интернет. И уже тогда выяснила, что она – не первый получатель.

* * *

– И все, кому приходила книга, невропатологи? – уточнил я.

– Не совсем, – ответила Дебора. – Большая часть – да, но были астрофизик из Тибета и богослов из Ирана.

– Но все они ученые, – вставил Джеймс.

Каждый, как и Дебора, получил увесистый конверт из Гетеборга с надписью «Расскажу подробнее, когда вернусь». Они объединились в блогах и на форумах и пытались разгадать шифр.

Кто-то предположил, что книгу необходимо рассматривать как христианскую аллегорию, особенно учитывая послание «Расскажу подробнее, когда вернусь!» (очевидная отсылка ко Второму пришествию Христа). Складывалось ощущение, что автор бросает вызов атеисту Сартру и его книге «Бытие и ничто» (Being AND Nothing, в отличие от книги Being OR Nothing[1 - Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.: название книги из посылки складывается в анаграмму BORN – с англ. «рожденный».] в посылке).

Сара Олред – исследовательница в области психологии восприятия – с этим согласна: «Мне кажется, хотя я и не уверена до конца, что эта история – какой-то маркетинговый ход некой религиозной организации. Их цель – выставить дураками ученых / исследователей / философов / интеллектуалов».

Другим это кажется маловероятным: «Фактор дороговизны исключает теорию, если только кампания изначально не была основана на том, что тщательно отобранные адресаты начнут разбирать загадочную книгу онлайн».

Большая часть получателей считала, что ответ как-то связан с ними, потому что посылка пришла именно к ним. Должна же быть какая-то закономерность. Вот только какая? Может, все они собирались на какой-то одной конференции? А может, их отбирают на ответственный пост в секретной организации?

Один австралиец, который получил книгу, написал: «Возможно, первый, кто разгадает эту тайну, получит работу».

Но, очевидно, гений-одиночка (или некая организация), связанные с Гетеборгом, сочинили настолько сложную головоломку, что самые умные и получившие хорошее образование люди разгадать ее не могли. Может, это вообще невозможно, потому что код неполный и необходимая деталь пока отсутствует. Кто-то предлагал подержать письмо под лампой или попробовать пары йода, если использовалась какая-то тайнопись.

Но никаких секретных записей не обнаружилось.

Все уже были готовы сдаться. Раз это настолько хитрая задачка, что ее не могут разгадать ученые, возможно, справится какой-нибудь частный детектив или журналист с иным взглядом? Дебора начала наводить справки. Ей был необходим хваткий репортер, которого привлекла бы эта тема.

Они изучили несколько имен.

Тогда-то Джеймс, друг Деборы, и сказал: «Как насчет Джона Ронсона?»

* * *

Когда я получил по электронной почте приглашение прийти в Costa Coffee, я был в глубокой депрессии. Перед этим я как раз брал интервью у Дейва Маккея, харизматичного лидера небольшой австралийской религиозной секты «Христиане Иисуса», – до нашей беседы он обратился к ее членам с просьбой пожертвовать почки незнакомым больным. Все начиналось хорошо, мы оживленно беседовали. Дейв казался обаятельным, слегка эксцентричным человеком, поэтому я быстро собрал неплохой материал для статьи – в том числе его комично-дурацкие и одновременно остроумные высказывания.

Но в какой-то момент я предположил и озвучил, что коллективное давление, которое он оказывает, может стать причиной того, что один из участников решит отдать собственную почку, и Дейв буквально взорвался. Он прислал сообщение, что в качестве наказания для меня останавливает свою кампанию,

поэтому люди, которые зависели от нее, умрут и их смерти будут на моей совести.

Я искренне расстроился за них и в то же время обрадовался этому безумному сообщению: оно идеально подходило для статьи. Я сказал своему коллеге-журналисту, что Дейв Маккей кажется мне психопатом (я вообще-то ничего не знал о них, но думал, что именно так они себя и ведут). Коллега процитировал мое высказывание в прессе. Спустя несколько дней Маккей написал мне по почте: «Я считаю, что ваше утверждение, будто я психопат, – это клевета. Я связался с адвокатом. Он считает, что у меня есть все основания для заявления в суд. Даже если я вам не нравлюсь, это не дает вам права меня позорить».

Так что в тот день, когда Дебора вышла со мной на связь, я был в панике.

– О чем я только думал? – сказал я жене Элейн. – Я просто наслаждался тем, что интервьюирую людей, просто наслаждался разговором. А теперь все испорчено. Маккей засудит меня!

– В чем дело? Почему все тут разорались? – спросил наш сын Джоэл, входя в комнату.

– Твой отец – идиот: я назвал человека психопатом, и он разозлился, – ответил я.

– Что он собирается делать?

Наступила тишина.

– Ничего, – сказал я.

– Если он нам ничего не сделает, чего ты тогда так разнервничался? – спросил Джоэл.

– Я беспокоюсь, что разозлил его. Я не люблю злить или расстраивать людей. Вот почему я расстроен.

– Ты меня обманываешь, – сказал сын, сужая глаза. – Я прекрасно знаю, что ты не прочь разозлить или расстроить кого-то. Что ты недоговариваешь?

– Я сказал тебе все, – ответил я.

– Он собирается на нас наехать?

– Нет, вовсе нет. Этого не произойдет!

– Мы в опасности? – закричал Джоэл.

– Никакой опасности нет! – Я тоже повысил голос. – Он всего лишь собирается подать в суд и отсудить у меня деньги.

– Боже, – выдохнул сын.

Я отправил Дейву письмо с извинениями и практически сразу получил ответ: «Спасибо, Джон. Теперь я тебя зауважал. Смею надеяться, если мы еще встретимся, мы будем на шаг ближе к тому, что можно назвать друзьями».

«Итак, – подумал я, – вот я в очередной раз схожу с ума из-за какой-то глупости».

После этого я проверил почту и увидел письмо от Деборы Тальми. В нем была описана история о загадочной посылке, которую получили несколько ученых по всему миру. От одного друга, знакомого с моими книгами, она узнала, что мне нравятся детективные истории, а в конце письма добавила: «Надеюсь, я смогла передать вам, насколько странной и заманчивой мне кажется эта история. Все это напоминает какую-то альтернативную реальность, где мы – пешки. Прислав нам книгу, неизвестный разбудил в нас инстинкт исследователей. Но найти ответ я не могу. Хотелось бы надеяться, что вы возьметесь за эту загадку».

* * *

И вот мы сидели в кафе, и Дебора следила за тем, как я вертел в руках загадочную книгу.

– На самом деле кому-то захотелось привлечь внимание ученых очень специфичным образом, – сказала она. – И я бы хотела узнать зачем. Думаю, это

слишком сложная кампания для одного частного человека. С помощью книги до нас пытаются что-то донести. Хотелось бы понять, что именно. Было бы хорошо узнать, кто это затеял и зачем, однако таланта сыщика у меня нет.

- Ну... - Я продолжал изучать посылку.

После выдохнул, сделал глоток кофе и сказал:

- Я попробую.

Я сказал Деборе и Джеймсу, что хотел бы осмотреть их рабочие места, чтобы с чего-то начать. Особенно меня интересовал почтовый ящик, где Дебора обнаружила книгу. Они с Джеймсом переглянулись, как бы говоря: «Странное начало. Но к чему обсуждать методы великих сыщиков».

Может, конечно, этот взгляд говорил и другое: «Вряд ли осмотр несет в себе какой-то смысл. Да и вообще странно, что он собирается заниматься этим. Будем надеяться, мы не ошиблись в выборе человека и он не собирается использовать нас для своих низменных целей».

По правде говоря, если они подумали так, то были недалеко от истины. Я хотел посмотреть на их рабочие места с определенной целью.

Дело в том, что психологический факультет располагался в ужасном панельном здании рядом с Рассел-сквер. На фотографиях 1960-1970-х годов, которые висели на стенах коридоров, были запечатлены дети, привязанные ремнями к каким-то жутким приборам. И малыши смотрели в камеру с таким воодушевлением, словно были в каком-нибудь цирке и на арену вышел клоун.

Совсем недавно руководство решило освежить это отталкивающее помещение и перекрасило стены в ярко-желтый цвет. Его выбрали, потому что туда частенько приводили детей для тестирования их интеллектуальных способностей и кто-то решил, что такой оттенок поможет успокоить малышей. Вот только я в этом сомневался. Здание было настолько мрачным и отталкивающим, что красить его было так же бесполезно, как, надев красный нос на кадавра, утверждать, что это Рональд Макдональд.

Я изучал кабинеты: в каждом сидел психолог или невропатолог, который склонялся над столом, размышляя над проблемами работы мозга. В одном, как мне рассказали, исследовали человека из Уэльса – он мог узнать в лицо каждую овцу в своем стаде, но при этом не различал людей. Мужчина не узнавал никого, даже себя в зеркале, не говоря уже о супруге. Данная патология называется «прозопагнозия» – слепота на лица. Пациенты обречены постоянно ненамеренно обижать друзей и коллег, проходя мимо и не здороваясь. Но люди все равно обижаются, даже зная о подобном состоянии человека, который вовсе не собирался проявлять безразличие или неуважение – хотя это результат болезни. Неприязнь имеет свойство распространяться.

В другом кабинете невропатолог исследовал случай, произошедший в июле 1996 года. Врач (бывший пилот ВВС Великобритании) пролетел над полем в одну сторону, а потом, минут через 15, в другую – и заметил, что на поле буквально из ничего образовался круг. Он занимал площадь в 4 гектара и состоял из 150 кругов меньшего диаметра. Его назвали «Джулия Сет». Этот круг стал самым знаменитым из «кругов на полях»: он появился на майках, плакатах, его обсуждали на конференциях и т. д. Вообще к тому моменту движение энтузиастов этого феномена угасало. Было понятно, что такие круги – дело рук вовсе не пришельцев, их по ночам создают художники-концептуалисты с помощью досок и веревок. Но «Джулия Сет» появился из ниоткуда за 15 минут. Так вот, невропатолог пыталась понять, по какой причине мозг пилота не захотел замечать этот круг, когда он пролетал над полем в первый раз. Ведь он был там, потому что накануне ночью его сделали художники из группы «Сатана».

Круги на полях «Джулия Сет»

В следующем кабинете я заметил женщину. У нее на полке стояла книга «Маленькая мисс умница». Эта невропатолог показалась мне очень симпатичной и жизнерадостной.

– Кто это? – поинтересовался я у Джеймса.

– Эсси Вайдинг.

– А что она исследует?

– Психопатов, – ответил Джеймс.

Я заглянул в кабинет – Эсси увидела нас и, улыбнувшись, помахала рукой.

– Это, наверное, опасно?

– Я слышал про нее одну историю, – начал Джеймс. – Один раз она беседовала с психопатом и показала ему фотографию человека с испуганным лицом. Эсси попросила определить эмоцию, запечатленную на фото. Психопат ответил, что не понимает, что это за эмоция, а потом добавил, что именно такое выражение появлялось на лицах людей, перед тем как он их убивал.

Я шел дальше по коридору. В какой-то момент внезапно остановился и оглянулся посмотреть на кабинет Эсси Вай-динг. Меня никогда особенно не волновали психопаты, но вдруг я подумал: «Может, самое время познакомиться с одним из них». Казалось экстраординарным, что есть люди, чье неврологическое состояние делает их чрезвычайно пугающими – если верить Джеймсу. У меня в памяти всплыли слова различных психологов, будто большая часть психопатов находится на вершине социальной лестницы – в крупном бизнесе и политике, ведь в этом окружении патологический недостаток эмпатии является преимуществом. Правда ли это? Эсси снова махнула мне рукой. И я решил не погружаться в этот мир, мир психопатов. Это было бы большой ошибкой для человека, страдающего от избыточной тревоги. Я помахал в ответ и пошел дальше.

Дебора работала в Центре нейровизуализации Лондонского университета, который находился за углом на Куин-сквер. В здании располагались клетки Фарадея и томографы, за которыми работали странного вида ребята в майках – они были похожи на героев комиксов. Из-за их нелепого вида даже машины выглядели не такими устрашающими.

«Наша цель в том, чтобы понять, как из мозга рождаются мысли и восприятие и как в этих процессах появляются сбои при неврологических и психиатрических заболеваниях», – гласит веб-сайт центра.

Женщина показала мне почтовый ящик, в котором обнаружила посылку. Я внимательно его изучил.

– О'кей, – сказал я, – да.

И задумчиво покивал головой. Дебора кивнула в ответ. Мы посмотрели друг на друга.

Пора было рассказать ей, для чего я решил попасть на кафедру. Мой уровень невротического напряжения в последние месяцы был невероятно высок, поэтому о нормальном существовании приходилось только мечтать. Обычно человек не испытывает постоянного чувства паники, не ощущает себя так, словно в него регулярно тычут электрошоком изнутри. По этой причине тогда в кафе у меня и родился план, который я вынашивал весь день. Мне хотелось развернуть беседу в свою сторону, чтобы по возможности получить от Деборы помощь. Однако она все еще была в возбуждении из-за моего согласия покопаться в загадке «Бытия или ничего», поэтому до сих пор я не мог заговорить о своем дефекте, не испортив настроения тайны.

И сейчас у меня был последний шанс. Дебора заметила, что я очень внимательно на нее смотрю и хочу озвучить что-то важное.

– Итак... – подала она голос.

Я молчал, продолжая смотреть на женщину.

– Я сообщу вам, как продвигаются дела, – выговорил я.

* * *

Утренний рейс тесного самолета компании Ryanair в Гетеборг был полностью заполнен и клаустрофобически тесен. Я пытался вытащить из кармана брюк блокнот, чтобы распланировать дальнейшие действия, но не удалось – нога застряла под откидным столиком, на котором валялись остатки завтрака. Однако записать план все же требовалось, ведь моя память была уже не так хороша, как раньше. В те дни я довольно часто выходил из дома уверенным

шагом и уже через минуту останавливался в растерянности. В такие минуты голову заполняет туман и все путается. Однажды я полностью останусь без воспоминаний, как мой отец. Тогда мне точно будет не до книг. Нужно запастись что-то на черный день...

Я снова протянул руку, чтобы задрать ногу, и опять ничего не получилось. Застряла, черт ее дери! Она...

– И-и-и! – внезапно вырвалось из моего рта. Нога резко дернулась, ударив коленкой о стол. Сосед с удивлением покосился на меня. Подумаешь, всего лишь воскликнул, причем совершенно случайно. Я смотрел перед собой с выражением легкого испуга и изумления. Надо же, какие странные звуки обитают во мне...

* * *

В Гетеборге была зацепка: имя и рабочий адрес человека по имени Петер Нордлунд, который мог что-то знать о Джо К. Хотя в посылках не было ни одного упоминания или намека на то, кто их отправил, – никаких имен возможных авторов или дескрипторов, – в архивах шведской библиотеки я нашел Петера Нордлунда, упомянутого как переводчика «Бытия или ничего» на английский язык. Поиск в интернете не дал никаких результатов, кроме адреса некой организации в Гетеборге, с которой этот человек был связан пока неизвестным мне образом.

Если получатели посылок правы и за всей этой таинственной и дорогой кампанией стоит некая команда умных составителей загадок с пока непонятными целями (религиозная пропаганда? вирусный маркетинг? охота за головами?), то Петер Нордлунд был единственной ниточкой. Я решил, что не стоит предупреждать его о своем приезде, – лучше перестраховаться на случай, если он решит скрыться, будучи участником неизвестной организации, стоящей за «Бытием или ничем». Возможно, они попытаются помешать мне неким образом, который я не мог вообразить... В общем, я был намерен заявиться без приглашения. Решил рискнуть – все это предприятие было авантюрой. Зачастую переводчики находятся очень далеко от заказчика, к тому же этот Петер вообще мог быть не в курсе происходящего.

* * *

Кто-то из получивших посылку думал, что книга является головоломкой, которую невозможно решить, ибо она неполная. Спустя неделю ее изучения я склонялся к тому же. На каждой странице была загадка, и разгадать ее не представлялось возможным. В самом начале говорилось, что данная рукопись была обнаружена на железнодорожной станции: «Она находилась в открытом месте, все ее прекрасно видели, вот только я один оказался достаточно любопытным, чтобы ее поднять». Затем были представлены несколько афоризмов:

Мое мышление – мышечное.

Альберт Эйнштейн.

Я – странная петля.

Дуглас Хофштадтер.

Жизнь должна быть веселым приключением.

Джо К.

В книге была 21 заполненная страница, причем на некоторых всего по одному предложению. Например, на 18-й было только одно высказывание: «На шестой день после того, как я закончил писать книгу, я сел в точке В и написал книгу».

И все это было дорого оформлено, на прекрасной бумаге и с краской высшего качества. На одной странице я увидел красивую полноцветную репродукцию бабочки. Скорее всего, все это обошлось создателям в круглую сумму.

На самом деле деталь, которой не хватало, не была записана какими-то невидимыми чернилами – это кое-что совершенно другое. На 13-й странице каждого экземпляра было тщательно вырезано отверстие, из-за которого не хватало нескольких слов. Может, это и был ключ к разгадке – эти самые слова?

* * *

В аэропорту я взял напрокат автомобиль. Запах машины, которая только что выехала из химчистки после предыдущего пользователя, напоминал мне о былых расследованиях и приключениях. Я вспомнил дни, когда следил за конспирологом Дэвидом Икке. Он выдвинул теорию, что нашим миром тайно руководят огромные ящерицы-вампиры-педофилы, которые приносили в жертву детей и могли принимать облик людей. Та история была весьма захватывающей и началась так же – с запаха только что вымытого прокатного автомобиля.

По навигатору я проехал мимо парка аттракционов Лисеберг, мимо стадиона, где следующим вечером должна была выступать Мадонна, и направился в сторону делового района города. Я думал, что офис Петера Нордлунда находится именно там. Однако навигатор так не думал, он резко и неожиданно потребовал повернуть налево. И я очутился на тенистой жилой улице, в конце которой расположилось громадное белое здание.

Это и была точка назначения – по крайней мере, так считала встроенная навигационная система машины.

Я подошел к входной двери и нажал на кнопку звонка. Вышла женщина в спортивных штанах.

– Прошу прощения, это офис Петера Нордлунда?

– Он тут живет, – ответила она.

– Извините, а он дома?

– У него сегодня прием пациентов, – у женщины был американский акцент.

– Он врач? – Я не смог скрыть удивления.

– Психиатр.

Мы немного постояли на пороге и побеседовали. Женщину звали Лили – она оказалась супругой Петера. Вообще они дружили с детства, потому что Петер

учился в Америке. Изначально они планировали поселиться в Калифорнии – родном штате Лили, – но у него умер дядя, который оставил племяннику этот большой дом. Пара не смогла устоять.

Петер, по словам жены, был весьма успешным психиатром, а не только переводчиком. Чуть позже я изучил его страничку в интернете: там говорилось, что он работал с шизофрениками, людьми с различными формами психозов и навязчивых состояний, а также известен как человек, занимающийся «белковой химией». Петер выступал в качестве советника и в «международной инвестиционной компании», и в «кембриджской биотехнологической компании», которая специализировалась на «обнаружении лечебных пептидов и развитии терапии». Женщина добавила, что он работает в клинике, которая находится в двух часах езды от города, а ехать туда нет смысла – без аккредитации меня не пропустят.

– К нему даже я не могу попасть, когда он работает с пациентами, – рассказала Лили. – У него очень напряженная работа.

– В каком смысле?

– Я практически ничего не знаю. Он вернется через пару дней. Если останетесь в Гетеборге, можете попробовать встретиться с ним снова, – предложила женщина. – А зачем вам мой муж? Для чего вы приехали?

– Он переводил одну весьма интересную книгу – «Бытие или ничто», – ответил я. – Она мне очень понравилась, поэтому захотелось встретиться с вашим супругом и спросить, для кого он ее переводил и почему.

– Надо же! – воскликнула Лили. Было заметно, что она очень удивлена.

– Вы о ней что-нибудь знаете?

– Да, – ответила она. – Я... Да, я знаю, про какую книгу вы говорите... Я... Петер иногда занимается переводами для различных компаний. Это была... – внезапно женщина запнулась. – Вообще-то мы не лезем в дела друг друга. Честно говоря, я не очень слежу за тем, что он там делает.

Знаю только, что он работает с чем-то молекулярным, но не разбираюсь в этом. Иногда он рассказывает, что перевел нечто для какой-то компании. Но если книга на шведском, которого я не знаю, или по теме, которую я не понимаю, я обычно и не пытаюсь вникнуть.

– В любом случае было приятно поговорить, – улыбнулся я. – Тогда через пару дней заскочу?

– Конечно, – отозвалась Лили. – Конечно.

* * *

Дни шли медленно. Я валялся в номере гостиницы и смотрел европейское телевидение, на мой взгляд, весьма странное. Наверное, оно имело бы смысл, понимай я язык, но сейчас все программы казались какими-то загадочными и запутанными сновидениями. В какой-то передаче группа скандинавских ученых наблюдала за тем, как один из коллег наливал жидкую пластмассу в ведро с холодной водой. Как и следовало предполагать, материал застыл – его вытащили из ведра, потом начали передавать из рук в руки, а дальше, если я правильно понял, принялись обсуждать причуды формы.

Я позвонил домой, но никто не взял трубку. Внезапно меня посетила мысль, что жена могла умереть. Я запаниковал. Но оказалось, что она все-таки жива, просто была в магазине. Безосновательное чувство тревоги охватывало меня во всех четырех углах земного шара. Я решил отправиться на прогулку, а после возвращения обнаружил сообщение от Деборы Тальми. Появился подозреваемый, и она просила связаться с ней.

* * *

Человек этот, к моему разочарованию, был не в Швеции, а в Блумингтоне, штат Индиана, – то есть на другом конце планеты. Его звали Леви Шанд, и буквально недавно он опубликовал в интернете невероятную историю своего участия в книге «Бытие или ничто».

Как мне рассказала Дебора, Леви учился в Университете Индианы. В один прекрасный день он бесцельно ездил по городу и внезапно заметил под железнодорожным мостом большую коричневую коробку. Она его заинтересовала, так что мужчина решил ее изучить. Снаружи не было никаких опознавательных знаков.

Несмотря на грязь вокруг, сама коробка была достаточно чистой, словно ее положили туда недавно. Сначала мужчина боялся ее открывать, потому что не мог предположить, что там находится: миллион долларов или отрубленная голова. Наконец, взяв себя в руки, он сделал это и увидел внутри восемь экземпляров «Бытия или ничего». На каждой была наклейка со следующими словами: «Внимание! Прежде чем начать читать, ознакомьтесь с письмом профессору Хофштадтеру. Удачи!» Послание заинтриговало Леви, потому что он был знаком с этим профессором и даже знал его адрес.

– Не знаю этого профессора, – сообщил я Деборе. – Но я заметил, что на страницах книги его частенько упоминают. Правда, не понял, это реальный человек или выдуманный? Он знаменит?

– Он написал книгу «Гедель, Эшер, Бах», – ответила женщина, удивленная тем, что я этого не знаю. – Это очень значительная работа.

Я ничего не ответил.

– Если вы гик, – вздохнула Дебора, – только познакомились с интернетом и особенно, если вы мальчик, эта книга может стать вашей Библией. Она объясняет, как использовать математические теории Геделя и каноны Баха для эффективного переживания вашего сознательного опыта. Многие молодые люди действительно любят эту книгу. Она достаточно забавна. Честно говоря, я не прочла ее целиком, но она стоит у меня на полке.

Из рассказа Деборы я узнал, что профессор опубликовал работу в конце 1970-х годов. И публика, и критики приняли ее очень тепло, даже восторженно. За нее Хофштадтер удостоился Пулитцеровской премии. В книге было множество отличных головоломок, игр слов и размышлений о значении сознания и искусственного интеллекта. Это было произведение из разряда «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» или «Краткая история времени» – каждый хочет иметь их в собственной библиотеке, но немногие способны понять смысл.

В 1979 году перед автором были открыты все дороги, но он спрятался от мира и следующие 30 лет скромно трудился на кафедре когнитивных исследований в Университете Индианы. Студенты прекрасно знали профессора с густыми седыми волосами, как у Энди Уорхола. Хофштадтер жил в большом доме прямо на краю кампуса – туда и направился Леви Шанд, планируя отдать восемь экземпляров книги «Бытие или ничто», которые обнаружил в коробке под железнодорожным мостом.

– Под железнодорожным мостом, – задумчиво повторил я и посмотрел на Дебору в экране компьютера. – Видите параллель? В письме Дугласу Хофштадтеру автор написал, что нашел старые машинописные листы в углу железнодорожной станции. А теперь Леви увидел книги под железнодорожным мостом.

– Вы правы, – согласилась женщина.

– А что произошло, когда Шанд заявился к профессору домой с книгами? – поинтересовался я.

– Шанд говорит, что дверь ему открыл Хофштадтер в окружении гарема из прекрасных француженок. Он пригласил Леви зайти, после чего поблагодарил, забрал книги и проводил к выходу.

И это, по словам Деборы, была вся история. Какое-то время мы молчали.

– Гарем прекрасных француженок?.. – переспросил я.

– Не верится мне, – сказала Дебора.

– Вот и мне. Думаю, он это придумал. А можно мне созвониться с Леви?

– Я покопалась и выяснила, что у него есть страничка на Facebook.

– Хорошо, тогда свяжусь с ним там.

Повисла пауза.

– Дебора?

- Кажется, этого человека не существует, - неожиданно произнесла она.

- Но есть же страничка на Facebook.

- И три сотни друзей в Америке, - добавила женщина.

- Вы думаете?..

- ...Что кто-то создал для Леви Шанда убедительный профиль, - ответила она.

Я снова промолчал.

- Обратите внимание на имя, - сказала Дебора.

- Леви Шанд?[2 - Англ. Levi Shand.]

- Присмотритесь. Это анаграмма.

Я растерялся, взял лист бумаги, ручку и начал переставлять буквы.

- Щедрый конец?[3 - Lavish End.]

- Да нет же! Живые руки![4 - Live Hands.] - Дебора сообщила мне свое предположение в отношении загадочного имени.

- А-а-а... - только и смог ответить я.

- Вспомните рисунок на обложке книги «Бытие или ничто», - начала объяснять женщина. - Там две руки, которые рисуют друг друга.

- Хорошо. Но если это вымышленный персонаж, то кто его создатель?

- Мне кажется, что все участники - и Леви Шанд, и Петер Нордлунд - это один человек, - задумчиво произнесла собеседница. - Дуглас Хофштадтер.

* * *

Я прогуливался по городу, чувствуя тревогу и разочарование. Несколько дней проторчать в Гетеборге и узнать, что организатор всего это, скорее всего, – профессор, который находится сейчас за несколько тысяч километров отсюда, в Университете Индианы... Дебора предложила еще несколько улик в пользу того, что головоломка – это изобретение шаловливого ума Дугласа Хофштадтера. По ее словам, подобный спектакль был в его духе. У него как у автора бестселлера, известного по всему миру, было достаточно финансов для организации всей этой истории. К тому же он хорошо знает Швецию. Если верить Wikipedia, он жил там в середине 1960-х годов. Да и «Бытие или ничто» сильно напоминало его книги. Например, чисто-белую обложку вышедшей в 2007 году книги «Я – странная петля», продолжения «Геделя, Эшера, Баха».

* * *

На самом деле поддельная страница студента Университета Индианы на Facebook и неправдоподобная история о гареме прекрасных француженок звучали совсем нелепо – однако попытаться предвидеть мотивы поступков такого гениального человека, как Хофштадтер, было бы бессмысленно.

Помимо прочего, Дебора была убеждена, что разгадала загадку книг. В ней действительно было недостающее звено, но не чернила, о которых думали многие, а нарциссизм каждого получателя экземпляра, который раскрывался при получении произведения.

– «Я – странная петля» рассказывает именно об этом, – сообщила Дебора. – В ней говорится, что мы проводим собственные жизни, замыкаясь на самих себе, оказываясь в том самом замкнутом круге. Сейчас многие интересуются, почему именно они получили эту загадочную книгу, но при этом говорят не о книге и ее смысле, а о себе. «Бытие или ничто» собрала круг людей и стала для них новым сосудом для самоадресации, – женщина немного помолчала, после чего добавила: – Мне кажется, это и была идея профессора.

«Бытие или ничто» и пакет, в котором ее доставили.

«Я – странная петля» в мягкой обложке

Ее теория звучала весьма правдоподобно – я решил, что ответ и правда найден... Пока через час мне не посчастливилось поболтать по Skype с Леви Шандом – вполне реальным студентом из Университета Индианы.

Он оказался очень симпатичным молодым человеком с черными волосами и меланхоличным взглядом. Парень находился в классической комнате студенческого общежития. Найти его оказалось нетрудно – я отправил ему сообщение на Facebook. Леви ответил практически сразу, потому что был онлайн, а через минуту мы уже смотрели друг на друга в камеры компьютеров.

Он уверял меня в правдивости истории – что на самом деле нашел книги под железнодорожным виадуком и дома у профессора был целый гарем.

– Вы можете в деталях рассказать, что произошло во время вашей встречи? – уточнил я.

– Я сильно волновался, потому что знал, к какой знаменитости иду, – ответил Леви. – Дверь открыла красивая девушка-француженка и попросила подождать. Я заглянул в комнату и увидел еще несколько дам.

– А вы не помните, сколько их было?

– Минимум шесть, причем самые разные – брюнетки, блондинки... Они расположились между кухней и столовой. И все были просто прекрасны!

– Это правда? – спросил я.

– Может, не француженки, а бельгийки.

– А что случилось потом?

– Из кухни вышел профессор – очень худой, но на вид вполне здоровый. Харизматичный. Он взял у меня книги, поблагодарил, и я ушел. Это все.

– Вы утверждаете, что все это правда?

– Да, каждое слово, – ответил Леви.

* * *

Но все-таки что-то было не так. И история Леви, и теория Деборы выглядели правдиво лишь в том случае, если Дуглас Хофштадтер – какой-то легкомысленный, не очень умелый шутник. Однако все факты, которые я о нем собрал, говорили об обратном. В 2007 году корреспондент The New York Times Дебора Соломон брала у него интервью и задала несколько провокационных вопросов. В своих ответах профессор показал себя весьма серьезным, а иногда даже нетерпеливым человеком.

Вопрос: После публикации книги «Гедель, Эшер и Бах» в 1979 году вы стали известным. В университетском бестселлере вы отразили параллели между интеллектом Баха, М. К. Эшера и математика Курта Геделя. В вашей новой книге «Я – странная петля», на мой взгляд, вы в первую очередь интересуетесь собственным интеллектом.

Ответ: Новая книга гораздо проще. Не такая безумная и менее смелая, наверное.

Вопрос: Вы знаете толк в том, как прорекламирровать книгу.

Ответ: Нет, не знаю. Мне просто интересны вопросы сознания и души. Благодаря этому и появилась новая книга.

Вопрос: В Wikipedia пишут, что ваши книги вдохновили многих студентов начать карьеру в сфере кибернетики и искусственного интеллекта.

Ответ: Я не интересуюсь компьютерами. Эта статья содержит массу неточностей, что меня немного расстраивает.

И все в таком духе. Я выяснил, что работы профессора появились на свет в результате двух неврологических трагедий. Когда ему было 12, выяснилось, что его младшая сестра Молли никогда не будет ни говорить, ни понимать язык. «Тогда меня весьма интересовал вопрос работы своего ума, – поведал Хофштадтер журналу TIME в 2007 году. – После злополучного диагноза Молли мой теоретический интерес обрел связь с реальным миром. Жизненные обстоятельства заставили меня начать размышлять о работе мозга, о человеческом “Я” и о том, как мозг определяет личность человека».

Позже, в 1993 году, его жена Кэрол умерла от опухоли головного мозга. Тогда их детям было два года и пять лет. Это горе буквально выбило землю у него из-под ног. В книге «Я – странная петля» он утешается мыслью, что супруга живет в его собственном сознании. «Я думаю, что некоторый след ее внутреннего мира, душевного света или ее “Я” – называйте как хотите – остались во мне, – признался он в интервью Scientific American в 2007 году. – И этот след ее самой, ее души, если угодно, сохраняет силу. Я должен подчеркнуть: грустная правда о материи такова, что у меня сохранилась весьма слабая копия – словно снимок с плохим разрешением, к тому же размытый... Он не в состоянии вытащить жало смерти. Я признаю, что не могу сказать: “И не важно, что она умерла, она продолжает жить в моей голове”. Хотелось бы, но не могу. Но хоть какое-то утешение это приносит».

Ничто из этого не напоминало человека, способного завести у себя в доме целый гарем из француженок, да еще и создать непонятную головоломку из десятка книг, анонимно разосланных ученым по всему миру.

Я решил отправить Хофштадтеру электронное письмо и спросить, есть ли хоть слово правды в истории Леви Шанда о найденных под мостом книгах и француженках в квартире знаменитого профессора. Вышел на прогулку, а когда вернулся, меня ждал такой ответ:

«Уважаемый мистер Ронсон,

Никакого отношения к упомянутой вами книге «Бытие или ничто» я не имею, кроме того, что упомянут там. Я просто жертва розыгрыша.

Да, Леви Шанд действительно приходил ко мне и передал несколько экземпляров книги, а все остальное, что он сказал, – чистая выдумка. В гостиной в тот момент моя дочь занималась французским со своим учителем. Может быть, именно их беседу услышал мистер Шанд. К тому же дома с детьми мы разговариваем по-итальянски – и, насколько я знаю, мистер Шанд мог принять итальянский за французский. Но самое главное во всем этом то, что «дома, заполненного прекрасными француженками», у меня совершенно точно нет, это полная чепуха. Скорее всего, ему хотелось, чтобы его история звучала таинственно и эффектно. Какой позор, что подобные люди не стесняются выкладывать всякую ерунду в интернет.

Искренне Ваш, Дуглас Хофштадтер».

Я ответил, что в рассказе действительно много сомнительных моментов – не только с гаремом, но и с самой коробкой книг под железнодорожным виадуком, которую нашел Леви Шанд. Может быть, он сам и является автором «Бытия или ничего»? На это Хофштадтер ответил:

«Я более чем уверен, что мистер Шанд не является автором этой небольшой белой книжечки. Ее мне прислал сам автор в количестве 80 штук (70 на английском и 10 на шведском). Они и сейчас лежат нетронутые в моем кабинете. До того как мне их прислали, я получил серию очень загадочных открыток на шведском (все прочитал, хотя не особо внимательно, и все они были бессмысленными). Разумные люди обычно не начинают общение с другим человеком с помощью разрозненных, странных зашифрованных сообщений.

Дальнейшие события были еще более запутанными: сначала мне прислали несколько экземпляров книги, потом – еще 80 штук прямо в офис. После этого появились те, что были найдены под мостом на территории университета, где я работаю. А после экземпляры стали приходить по всему миру людям, которые заняты в самых разных областях – искусственный интеллект, биология и так далее. И затем появляются странные, вырезанные ножницами слова и приклеенная записка, адресованная мне. Все это полное безумие. Я мог бы рассказать еще очень многое, но у меня нет времени.

Я много раз встречался с людьми, которые умны, психически неуравновешенны, с людьми, которые считают, будто разгадали тайну Вселенной. Этот конкретный

случай для меня исключительно прозрачен, потому что, очевидно, связан с исключительной одержимостью».

Далее Дуглас Хофштадтер сообщил, что в этой загадке действительно есть отсутствующее звено, но получатели все не так поняли. Они считали, что затея была гениальной и рациональной, потому что сами они были талантливы и рациональны, ведь мы, люди, склонны думать, что окружающие похожи на нас. Но недостающим звеном был тот факт, что автор – псих, поэтому книгу невозможно расшифровать.

«Петер Нордлунд?» – подумал я.

Может ли он быть единоличным организатором всего происходящего? Однако и этот вариант виделся мне маловероятным. Успешный человек, знаменитый врач-психиатр, химик, который специализируется на белковых соединениях, что бы это ни значило, консультант в компании, занимающейся биотехнологиями и разработкой лечебных белков, – и чтобы он был исключительно одержимым психом, как сказал Хофштадтер?

Но тем же вечером в 7 часов, когда я встретился с Петером Нордлундом, быстро стало очевидно, что именно он виновник переполоха. Это был высокий человек, 50 с небольшим лет, с приятным интеллигентным лицом. На нем был твидовый пиджак. Они с супругой встретили меня на крыльце своего дома. Петер мне сразу понравился – по его лицу блуждала широкая, добрая, загадочная улыбка. Еще я отметил, что он все время заламывал руки, что выдавало в нем некую одержимость. Я тоже так делаю. У меня сразу появилось ощущение, что с точки зрения одержимости вещами, которые не имеют значения, мы с ним весьма похожи.

– Удивлен, что вы здесь, – сказал он.

– Надеюсь, приятно удивлены, – заметил я.

После короткой паузы он снова заговорил:

– Если вы изучаете книгу «Бытие или ничто», то понимаете, что никогда не узнаете, кто автор.

– Мне кажется, я уже это знаю. Я думаю, это вы.

– Я не... – Он оборвал предложение. – Я несколько не удивлен вашему предположению.

– А оно верное? – уточнил я.

– Конечно нет, – ответил Петер.

Петер (кстати, «Петер Нордлунд» – это ненастоящее имя, и его жену зовут вовсе не Лили) принялся переминаться с ноги на ногу. Он вел себя словно сосед, к которому ты зашел в момент, когда у него что-то закипало на плите. Я понимал, что за маской дружелюбной рассеянности мужчина пытался скрыть ошеломление от моего приезда.

– Петер, – начал я. – Разрешите спросить хотя бы об этом. Почему именно эти люди были выбраны получателями книг?

Нордлунд слегка вздохнул, его лицо посветлело, словно я задал самый лучший вопрос, какой только мог.

– Что ж... – начал он.

– А ты откуда знаешь, кому отправили книги? – вмешалась в разговор Лили. Она явно злилась. – Ты же просто переводил ее.

После этих слов Петер собрался с мыслями и снова надел маску.

– Да, да, – сказал он. – Мне жаль, но, пожалуй, мы должны закончить беседу на этом. Я просто хотел вас поприветствовать. Я сказал больше, чем стоило... Пообщайтесь с моей супругой.

Мужчина улыбнулся и ушел в дом, а мы с Лили просто смотрели друг на друга.

– Я сейчас уезжаю в Норвегию, – сказала она. – До свидания.

– До свидания, – ответил я.

И направился в Лондон.

* * *

А дома обнаружил письмо от Нордлунда.

«Вы показались мне весьма приятным человеком. Первый этап этого проекта скоро будет закончен. На следующем уровне им займутся другие люди. Я не знаю, возьмут ли вас в расчет, но вы узнаете...».

«Я с радостью поучаствую в проекте, если посоветуете, как это сделать», – таков был мой ответ.

«Дело в том, что основная сложность как раз в том, чтобы знать, что делать. Это и называется жизнью. Могу вас уверить: когда наступит ваше время, вы точно узнаете об этом».

Спустя несколько недель мое время все еще не наступило. А если и наступило, то я этого не заметил, поэтому позвонил Деборе, чтобы сообщить, что головоломка решена.

* * *

Я расположился на открытой террасе Starbucks в Брунсвик-центре на Рассел-сквер в центральном Лондоне и наблюдал, как Дебора выходит из-за угла и быстрым шагом идет в мою сторону. Она села на стул рядом и улыбнулась.

– Ну?..

Я поведал ей о своих разговорах с Леви Шандом и Дугласом Хофштадтером, а затем рассказал о встрече с Петером Нордлундом и Лили, а также о последовавшей переписке. Когда я закончил, Дебора внимательно посмотрела на меня и спросила:

– И это все?

– Да. Это все произошло, потому что, по словам профессора Хофштадтера, автор – просто псих. Все искали в загадке отсутствующее звено, и вот оно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.: название книги из посылки складывается в анаграмму BORN – с англ. «рожденный».

2

Англ. Levi Shand.

3

Lavish End.

Live Hands.

Купить: https://tellnovel.com/ronson_dzhon/samovlyublennye-bessovestnye-i-neutomimye-zahvatyvayuschie-puteshestviya-v-mir-psihopatov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)